

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕРЕЛОМ 1917 ГОДА

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2017

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 15-34-12003, не подлежит продаже*

Рецензенты

доктор филологических наук В.А. Келдыш
доктор филологических наук О.А. Клинг

ПЕРЕЛОМ 1917 ГОДА: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский, ред.-составители В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 864 с.

В первой части книги — «Исследования» — представлен ряд проблемных статей, осмысляющих деятельность русских писателей в новых институциях, культуртрегерских и студийных начинаниях ранних советских лет; неизвестные страницы истории отечественной периодики революционной поры; сдвиги в восприятии классического отечественного литературного наследия, обусловленные историческим сломом 1917 года; мотивно-образную динамику в литературных отражениях исторических событий; перенос модернистских моделей и духовных практик на новую культурную почву и т.п.

Во второй части — «Материалы и публикации» — в числе прочего впервые с научным аппаратом даны фундаментальные своды малоизвестной публицистики Д. Мережковского и Вс. Иванова, неизвестные архивные материалы В. Брюсова, Л. Андреева, В. Муравьева и др., цикл статей «На Перевале» А. Белого, а также источники, раскрывающие его деятельность во «Дворце Искусств», неизвестная инсценировка поэмы Блока «Двенадцать», обзор франкоязычной критики Андрея Левинсона, посвященной литературно-революционным сюжетам, документы антропософов раннего советского периода и мн.др.

Книга рассчитана на исследователей-филологов и представителей иных гуманитарных дисциплин, а также широкий круг читателей, интересующихся современным научным осмыслением темы «Русская революция 1917 года и литература».

© Коллектив авторов, 2017

© ИМЛИ РАН, 2017

ISBN 978-5-9208-0533-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

В коллективной монографии, предлагаемой вниманию читателя, представлены исследовательские сюжеты и научные публикации источников, в которых контекст революции 1917 года и прилегающих к ней судьбоносных для России событий выступает в двух основных ролях: во-первых, как объект осмысления литературными деятелями эпохи и, во-вторых, как субъект трансформации литературной среды, общественных практик, художественных и просветительских стратегий, наконец — тех культурных моделей, что были сформированы до исторического перелома, но после него напряженно вырабатывали механизмы адаптации к принципиально новой ценностно-идеологической реальности. Последним обусловлено преимущественное — хотя и далеко не исключительное — внимание в книге к пореволюционной судьбе тех фигур и явлений, что были порождены культурным ландшафтом «серебряного века».

Так или иначе помещенные в коллективном труде работы раскрывают разные аспекты обозначенных выше функций революционного контекста в отечественной литературной жизни. Среди этих аспектов — деятельность русских писателей в новых институциях, культуртрегерских и студийных начинаниях ранних советских лет (А. Блок и Школа журнализма, В. Брюсов и ЛИТО Наркомпроса, А. Ремизов и ТЕО Наркомпроса, Андрей Белый во «Дворце Искусств», Г. Шенгели и просветительские проекты Юга России, лекции М. Гершензона в 1917 г. и др.); неизвестные и малоизвестные страницы истории отечественной периодики революционной поры (московские издания петроградской социал-демократической газеты «Новая жизнь», ростовский литературно-символистский журнал 1919 г. «Орфей» и др.); революционная перекодировка в рецепции и популяризации классического наследия (переосмысление историософской прогностики Достоевского; культурные планы, связанные с именем Л. Толстого, и др.); мотивно-образная и структурная (включая версификацию) динамика внутри революционного дискурса (топика «бесовства» в литературе и публицистике; поэтико-тематические вариации освоения исторического материала в текстах А. Блока, Б. Пастернака, О. Мандельштама, Н. Клюева, И. Новикова, С. Кржижановского, В. Муравьева и др.; генезис пролетарского верлибра и т.п.), трансплантация дореволюционных модерно-символистских концептов и духовных практик на новую культурную почву («революция сознания» и «кризис сознания» в работах Андрея Белого; деятельность антропософов в раннюю советскую эпоху и т.п.).

Важная составляющая книги — публикация архивных документов и научная комментированная републикация прежде не переиздававшихся источников, включая не вошедшие в авторские сборники статьи Д. Мережковского 1917–1918 гг., неизвестные архивные материалы Л. Андреева 1917 г., «Очерки фронта» 1919 г. Вс. Иванова, неизвестную инсценировку поэмы Блока «Двенадцать», публицистический цикл Андрея Белого 1918 г. «На Перевале», работу (в пер. с франц.) А.Я. Левинсона 1922 г. «Современная русская литература: Война, Революция, Изгнание» и целый ряд иных ценных документальных корпусов, связанных с названными выше тематическими аспектами.

Публикации сопровождаются пространными аналитическими статьями-преамбулами, помещающими соответствующие материалы в контексты творческой биографии автора и широкого историко-культурного фона эпохи.

Сочленя общие проблемно-аналитические сюжеты с исследовательским осмыслением впервые вводимых в научный оборот источников, коллективная монография призвана представить значимый материал для будущего построения новой научной истории русской литературы революционной поры.

В.В. Полонский

РАЗДЕЛ 1

ИССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Петров
Институт философии РАН

**«РЕВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ»
В РАБОТАХ АНДРЕЯ БЕЛОГО 1917–1919 гг.**

Андрей Белый трактовал события 1917 г. как начальный этап революции сознания. В нашем эссе исследуется концептуальное содержание и образный ряд его статей «Весенние мысли» и «Революция и сознание современности» (1918). Посредством сравнительного анализа сочинений выявляется их интертекстуальный характер: указано на перекличку с идеями, образами и лексикой А. Блока, Р.В. Иванова-Разумника, Вяч. Иванова, А. Ремизова; учитываются параллели с другими сочинениями Белого 1913–1922 гг. Обсуждается схожесть воззрений А. Белого и Вяч. Иванова периода 1917–18 гг. относительно бессилия искусства в революционную эпоху, их представление о мысли как действенной силе, формирующей историческую реальность, о влиянии на взгляды поэтики Ницше. Затрагивается полемика Белого с марксизмом и материализмом, как косной «рассудочной» культурой, в противопоставлении живой и творческой мысли, преобразующей сознание. Среди рассматриваемых концепций Белого: революционные столкновения как война идей-силлогизмов; революция как взрыв в сознании; революция как познавательный акт; государственное строительство как осуществление мысли и воплощение мифа. Обсуждается критика Белым позиции Вяч. Иванова относительно продолжения военных действий (завоевания Константинополя и проливов); концепция революции Духа и антропософия Белого, а также разгром Л.Д. Троцким идей, высказанных Белым в «Записках мечтателей».

Andrei Bely interpreted the events of 1917 as the initial stage of the revolution of consciousness. Our essay studies the concepts and imagery of his articles “Spring Thoughts” and “Revolution and Consciousness of Modernity” (1918). By means of a comparative analysis of these works, their intertextual character is revealed: the similarity of ideas, images and vocabulary between Andrei Bely, Alexander Blok, R.V. Ivanov-Razumnik, Vyacheslav Ivanov, Aleksey Remizov is shown; the parallels with other Bely’s works of 1913–1922 are taken into account. The interdependence of Bely’s and Ivanov’s views in 1917–1918 concerning the impotence of art during the period of revolutionary changes is pointed out, as also their theory of creative thought as an effective force shaping historical reality and the influence of Nietzsche’s poetics on both of them. Bely’s polemic with Marxism and materialism is analyzed, both understood by him as a rigid “syllogistic” culture, opposed to a living and creative thought that transforms consciousness. The article treats such Bely’s concepts as: revolutionary clashes as a fight of ideas-syllogisms; revolution as an explosion in consciousness; revolution as a cognitive act; state building as the process of making the thought a true reality and the embodiment of myth. Bely’s criticism of Ivanov’s position regarding the continuation of war activities (taking control of Constantinople and the Straits) is under consideration. Bely’s views concerning the revolution of the Spirit and anthroposophy, as well as Leon Trotsky’s smashing the ideas expressed by Bely in the “Notes of Dreamers” are also treated.

Ключевые слова: Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Р.В. Иванов-Разумник, Л.Д. Троцкий, революция 1917 г., антропософия, интертекстуальность.

Keywords: Andrei Bely, Vyacheslav Ivanov, R.V. Ivanov-Razumnik, Leon Trotsky, Russian Revolution of 1917, anthroposophy, intertextuality.

Как многие деятели его круга, А. Белый был вовлечен в события революционного периода на разных уровнях: житейском, художественном, теоретическом. Он чувствовал себя причастным к происходящему, и это отразилось в его многочисленных сочинениях. Вспоминая революцию 1905 г. в записях «Ракурса к дневнику» (1927), он изображает себя заправским революционером:

Мы с Блоком настроены гораздо революционнее, чем Мережковские; я высказываю прямое сочувствие социал-демократии <...> Пробую читать «Капитал» Маркса <...> Голосую за закрытие Университета и превращение его в революционную трибуну <...> Иду на демонстрацию перед Думой, попадаю в осаду Университета; собираю деньги на борьбу; еду на фабрику «Дукат»; участвую в демонстрациях на похоронах Трубецкого и Баумана [Белый 2016, с. 357].

Позитивное отношение к происходящим событиям сохранялось у А. Белого и его окружения и в октябре 1917 г.:

Помню день накануне октябрьского восстания в Москве: часов в 6 зашел к Гершен-сону, который мне говорит: «Запомните этот день; история — ломается: *на́двое*». Вечер (до поздней ночи) проводили вместе очень радостно: я, Трапезников, Петровский, кажется, — Сизов; и, кажется, — Киселев; Трапезников подмигивает: «*Хорошо: так надо!*» [Белый 2016, с. 437].

Впрочем, практическая вовлеченность писателя в революционные события была минимальной. Преимущественно он описывает происходящие события отстраненно, глазами невовлеченного обывателя, попавшего на нейтральную полосу между двумя противниками. Например, события конца октября 1917 г. в «Ракурсе к дневнику» удостоились следующей краткой записи:

неделя восстания (с воскресенья до пятницы <29 октября — 3 ноября>); наш дом, оказавшийся на границе двух враждебных станов, сильно пострадал; в комнаты врывалась шрапнель; стекла — побиты; мама — едва не убита. Сидел и собирал материалы для статьи «*Поэзия Вяч. Иванова*» [Белый 2016, с. 357].

В письме от 4 ноября 1917 г. к А. Тургеневой Белый сообщал о том же:

...с субботы до пятницы <28 октября — 3 ноября>... наш дом, был отрезан от мира, потому что почти невозможно было выходить... Наш Никольский¹ переулочек оказался границей; и даже дома перепутались: с арбатских домов, кажется, стреляли юнкера, с Трубниковского переулка наступали большевики... В понедельник в 9 часов утра я вскочил с дивана (спал я в своем зеленом кабинетике) от оглушительного грохота; и подбежав к окну, увидел столб кирпичной пыли; оказывается: в дом против нас упала

шрапнель и разорвалась перед окнами; с понедельника мы перекочевали в кухню и ванну, где только и можно было жить; пули пролетали в окна, разбивали стекла; шрапнель ударила в балкон нашего дома, когда мы с мамой спасались в нижний этаж; осколок шрапнели, разбив стекла, пролетел на расстоянии не далее дюйма от маминского виска; с мамой сделалась истерика; последние дни мы ютились у Махотиных; было невозможно почти жить; почти нечего было есть; кабинет мой прострелен; стекла разбиты; стоит адский холод; работать нет никакой возможности [Белый 2016, с. 595].

В письме к Иванову-Разумнику от 9 ноября 1917 г. Белый прямо говорит, что событий не одобряет и в происходящем не хочет участвовать:

После 6-дневной бомбардировки нашего дома, ни за что ни про что, я уехал: в квартире выбиты стекла, стоит адский холод. Вообще, у меня что-то вроде презрительного бойкота города, где мирные граждане — ни юнкера и контр-революционеры, ни большевики — рискуют жизнью. В нашем доме нет ни одного цельного стекла, над нами рвалась шрапнель, а мы холодали-голодали и переживали одно чувство: за что? ...У меня *теперь* раздвоение; моя статья «*Песнь Солнценосца*» уместна ли? Радоваться, писать прославления тому, что свершилось, я не могу [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 141–142]².

Через много лет (весной 1928 г.) А. Белый вспоминал о тех днях так:

[С 1916 г. я] во всех устремлениях своих был с тогдашними крайними левыми; не одни литературные вкусы и личная дружба соединили меня с Ивановым-Разумником; темы народа, войны и революции были темами нашего сближения; но в «*кадетской*» культуре Москвы сидел я с зажатым ртом; лишь среди своих антропософов да среди «*скифов*» — петербуржцев, я высказывался откровенно. С 1906 года мне принадлежит ряд рецензий в «*Весах*» <...> с определенным «*да*» пролетариату и социальной революции; она после ошибок Временного правительства виделась мне роковой неизбежностью с июня 1917 года уже; в этом ожидании взрыва я сходил с Т.Г. Трапезниковым, Петровским (антропософами), М.О. Гершензоном и Ивановым-Разумником; но моя концепция не двух, а трех *революций* (политической, социальной, духовной) ставила меня вне государственного коммунизма и государственной демократии <...>; я был за принцип *Советов*, как за рычаг переворота, еще с 1905 года; и в 1917 году я надеялся, что в этом принципе найдет себе развитие и духовный переворот. Таково было мое настроение и в 1917–1918 годах: свободное развитие снизу вверх социально-индивидуальных коммун, отрицание политического ига; на этой платформе я сходил с иными свободными людьми того времени; среди них были и коммунисты <...> Когда же мне стало ясным, что <...> власть <...> становится из власти *Советов* советской властью, стало быть, властью обычной <...>, я был выброшен из политики туда, где и пребывал вечно: в антигосударственность; <...> и нынче я толстовец-непротивленец [Белый 1994, с. 474–475].

Что касается печатных работ А. Белого, то в публикациях 1917–1919 гг. революция предстает у него в первую очередь как революции сознания. При этом сочинения Белого в тот период имеют отчетливо интертекстуальный характер: он словно ведет непрерывный диалог со своим окружением, используя идеи, образы и лексику А. Блока, Иванова-Разумника, Вяч. Иванова, А. Ремизова, солидаризируясь или полемизируя с ними, откликаясь на их слова.

Тема революционных перемен, революции как переворота в сознании выходит на первый план в паре статей — «Весенние мысли» и «Революция и сознание современности», опубликованных в начале 1918 г. Статьи начинаются с констатации краха:

Кризис жизни, *сознания*, творчества, мысли, общественности, кризис быта: ни одного уголка не осталось нам целым: всё рушится. Рвутся фикции стен и домов. Еще накануне войны в *сознании* столкнулись многовиднейшие кризисы, которые уничтожали почву для возникновения жизненных ценностей. Помутнело *сознание* [Белый 1918–1, с. 119].

Наряду с этим Белый провозглашает наличие больших ожиданий, идущих из глубин народа и окрашенных в мистические тона, цитируя строки С. Есенина и Н. Клюева³. Есенинский «Певущий зов» (апрель 1917) сравнивает революцию с новым крещением земли и упразднением смерти (змея-смерть потеряла жало) [Есенин 1997, с. 26, 294–298; см. также: Скороходов 2015, с. 167–169], а «Песнь Солнценосца» Н. Клюева изображает революцию в мессианских и хлыстовских тонах⁴. Важно, что революция понимается А. Белым как духовная: это не социальное преобразование мира, но перестройка сознания и культуры:

Подлинно революционны и Ибсен, и Штирнер, и Ницше, а вовсе не Энгельс, не Маркс; в глубине их сознания гремят нам огромные революционные взрывы <...> лежащие в будущем формы общественной жизни, осуществленные революцией собственно, не суть вовсе формы какой-нибудь «большевистской» культуры, а — *вечносущее*, скрытое под формальной вуалью искусств [Белый 1917–1, с. 25].

Белый настаивает на ниспровержении духовной и интеллектуальной монархии, тенью отражением которой является монархия историческая. Здесь он выступает завзятым ницшеанцем, апеллируя к сверхчеловеку:

«*Без царя в голове*» только слабые сходят с ума; сильные «*без царя в голове*» лишь впервые приходят к живому сознанию мысли, если *царь* есть абстракция: *этого царя* еще важнее свергнуть, чем тень его отражение [Белый 1918–1, с. 124].

«Кризис мира не кончится революцией форм вне-лежащей действительности, — продолжает Белый, — он кончится революцией у нас в голове».

Слово «сознание» пунктиром пронизывает текст «Весенних мыслей», оно встречается в статье почти три десятка раз. Белый пишет, что *переоценка* событий разрушила в нашем сознании все общественные устремления. Всё привычное бытие — от общественных институтов до каменных стен зданий — предстает зыбким маревом. Белый практически воспроизводит образность, ранее использованную в романе «Петербург», а позднее — в эпопее «Я»: стены домов — фикция, ценности государственной жизни — туманы⁵, партийные программы — ледяная короста⁶, взламываемая пульсациями народного сердца⁷.

«Весенняя» тема подчеркнута растительными метафорами: «весенними» названы мысли, дни, трава, луч и сама Россия. Схожие образы встречаются и в предисловии к альманаху «Записки мечтателей», где Белый сравнивает коммуну мечтателей с рощей, составленной из разных деревьев, посылающих друг другу птиц и бабочек [Белый 1919–1, с. 6–7]⁸. В духе пролога к «Запискам мечтателей» он уподобляет «смыслы истин — растениям». Вся прежняя жизнь, рассыпавшаяся в прах, считает Белый, становится удобрением для новых всходов — цветов и листвы новой *весенней* России⁹. Белый говорит и о *весенних семенах* революции («набухшее семя взрывает асфальт»). У этой метафоры имеется эсхатологическая подкладка — слова евангелиста Иоанна о пшеничном зерне, которое, если не умрет, пав в землю, останется одно, а если умрет, то принесет много плода¹⁰.

Примечательно, что образ весенних семян активно использовался в этот период Ивановым-Разумником, в том числе в его полемике с Ремизовым относительно оценки революционных событий. Так, в статье «Две России» (декабрь 1917) Иванов-Разумник критиковал Ремизова:

Враждебен ему этот *вихрь* — старые, староверские, исконные, дедовские, любимые ценности сметает вихрь этот; и видит он в нем только *сор*, только *пыль*, только *смерд* — и не видит испепеляющего *огня*, не видит *весенних семян* <...> Не верит Ремизов, что <...> *вихрь* этот *несет весенние семена* [Иванов-Разумник 1918, с. 208, 213]¹¹.

В свою очередь, Ремизов, считавший революцию губительной, в поэме «Огневица» (декабрь 1917) высмеивал Иванова-Разумника, пародируя приведенные выше слова:

Разумник с пудовым портфелем, как бесноватый из Симонова монастыря. — Это вихрь, — кличет он, — на Руси крутит огненный вихрь. В вихре *сор*, в вихре *пыль*, в вихре *смерд*. *Вихрь несет весенние семена* [Ремизов 1917, с. 3].

Таким образом, применительно к революции растительная метафорика соединялась с образами пожара. Сам А. Белый в статье «Культура и революция» связывает *органическую* жизнь и рост с культурой, а огненное начало — с собственно революцией¹². Если формы сознания составляют содержание

теоретических построений, пишет он, то «мир машинных абстракций охвачен *огнем* содержаний; погибает в огне содержаний». При этом *воспламенение вселенной* совершается в *сознании* людей.

Мотив обогневания мира присутствует не только у Белого. Сравнение революции с мировым пожаром было общим местом: достаточно вспомнить про «мировой пожар раздуем» из «Двенадцати» Блока. Точно так же Ремизов, — словно в ответ на упрек Иванова-Разумника в том, что он не прозревает в происходящих событиях испепеляющего *огня*, — публикует тексты, в которых, обращаясь к учению древних греков о воспламенении вселенной, изображает революцию в виде мирового пожара. В мае 1918 г. Ремизов публикует свои «Электрумные пластинки», а затем «О судьбе огненной. Предание от Гераклита Эфесского» [Ремизов 1918–1, 1918–2]¹³. Поэтому когда той же весной 1918 г. Иванов-Разумник будет в очередной раз повторять свои слова о *весенних семенах* революции, он скорректирует свою оценку Ремизова, процитировав апокалиптическую цитату об очищении огнем из ремизовского «Предания от Гераклита Эфесского»¹⁴.

Как уже говорилось, публикации А. Белого насыщены перекличками и отсылками к работам братьев по перу. Мы указали на мотивы, общие для авторов, группировавшихся вокруг сборника «Скифы». Но в текстах 1917–1918 гг. налицо параллели между Белым и Вяч. Ивановым, который не разделял «скифской» идеологии и революцию не принял¹⁵. Например, в одной из датированных маем 1918 г. заготовок к лекции Иванов заявляет, что:

«революционные» эпохи суть эпохи наименьшего творческого действия и наиболее стремительного *становления*. Возможно ли творчество форм, когда металл расплавлен? Возможно ли действие во время родов? Мы чувствуем, что *жизнь нас творит*, а не мы творим жизнь. Отсюда ощущение рока <...> Это не творчество, а жертва [Обатнин 1994, с. 44–45]¹⁶.

В статье «Революция и культура» (1917) схожих представлений придерживается и А. Белый, считающий, что:

обилие произведений искусств обычно в предреволюционное время; и — после. Наоборот: напряженность художеств ослаблена в миг революции <...> 1905 год в жизни творчества — что нам подлинно дал? Многообразие бледнейших рассказов о бомбах, расстрелах, жандармах. Но отразился он ярко — позднее; и — отражается ныне [Белый 1917–1, с. 8–9].

Иванов сравнивает революцию с «рождением дитяти» (ср. важную для Белого тему эсхатологического «младенца в яслях»), заявляет, что в подобные эпохи актами и действиями становится не социальная активность, но сами мысли:

В такие эпохи всеобщего расплава или распада <...> важны особенно наши мысли. Каждая мысль, каждое волеустремление — акт, действие. Поверхность жизни пластична — на ней отпечатлевается весь состав нашего духовно-душевного бытия. Действие — детерминистично по преимуществу; тайнодействие — наиболее свободно [Обатнин 1994, с. 45].

Иванов подчеркивает стихийный характер происходящего, направляемого высшими силами и не зависящего от желаний людей:

Мы в иллюзии <...>, будто всё, чего захотим, можем и исполнить. Мы ничего не можем сотворить от себя, особенно же в сфере духа. Исполнят всё силы <?>, ведущие строгий учет нашим вождениям. Они низвергают самодержцев и могут осуществить «тишайшие слова» [Обатнин 1994, с. 45]¹⁷.

Упоминание о «тишайших словах» — это отсылка к важному мотиву из «Так говорил Заратустра» Ницше, у которого пророк Заратустра многократно призывает к *тишине*, ассоциируемой с мудростью, совершенством и счастьем, противопоставленной гомону уличной толпы¹⁸. Переплетение у Иванова идей о том, что наиболее действенны «тихие слова» и что миром правят *мысли*, однозначно отсылает к следующему пассажиру у Ницше:

Тогда опять со мной заговорило как бы шепотом: «Самые-то *тихие слова* и производят бурю. *Мысли*, которые ступают *голубиными ногами*, управляют миром. О Заратустра, ты пойдешь как *тень того, что должно прийти*: так ты будешь повелевать и, повелевая, предшествовать» [Ницше 1900, с. 159].

Этот важный в концептуальном отношении отрывок из Ницше также оказал влияние на А. Белого, который полугодом ранее (декабрь 1917) отсылает к нему в следующем пассаже:

[Мы] читали, что громы к нам крадутся «на *голубиных шагах*», что слепительна молния (где?)... В промежутке меж громом и молнией написали по книге «о молнии»... Грянули громы (от молнии гром отстаёт): мировая война, революция, грохоты великолепных обломков, разруха, «*трус*», «*глад*», впереди — что еще? [Белый 1917–2; Белый 1918–2, с. 7–8]¹⁹.

Помимо прочего, в рассматриваемом месте Ницше поднимает тему пророческого предвидения, говоря, что пророк Заратустра должен стать *тенью* событий, которые еще только грядут. И опять этот мотив равно важен как для Вяч. Иванова, так и для А. Белого. Иванов любил цитировать слова Шелли о том, что будущее бросает тени на настоящее, а поэты при этом становятся его зеркалами [см. об этом: Петров 2016–2, с. 31–33]. В свою очередь в статье «Революция и культура» А. Белый (и опять с аллюзией на Ницше)

поднимает тему предвосхищения будущего художниками и поэтами, которые выступают в этом случае как пророки:

Предреволюционное время окрашено *отблесками* набегающих революционных огней; эти *отблески* *почиют на искусствах* <...> Первые революционные грохоты крадутся на *голубиных шагах*... внутри нас <...> Прометеи и Данте, и Фаусты, и Эмпедоклы, летящие вниз головой в жерло кратера, и Заратустры, бегущие вверх к ледникам, — эти мощные образы только неясные прорезы граждан свободного града осуществленной за-революционной культуры <...> В нашем сердце мы видим уже звездный луг *новорожденного* облика нас в нашем будущем [Белый 1917–1, с. 11, 16, 25, 30].

Неприятие спекулятивного теоретизирования, проявлявшееся в «Симфониях» в форме мифологизации и демонизации кантианства, а в «Петербурге» в виде склеротических «мозговых игр» сенатора Аблеухова, в «Весенних мыслях» воспроизводится путем противопоставления застывших политических абстракций — живому, органическому движению масс. Белый подчеркивает, что попытка создать государственность по образу и подобию рассудочных форм конструирует тюрьму и орудие пытки, именуемое «железной дамой» (Iron Maiden). При подобном подходе живой процесс кристаллизуется в омертвелые формы, а действительность сужается до *материальной* действительности²⁰, цельность мира разделяется на умопостигаемую и чувственно-данную формы.

Согласно Белому, невозможно установить механизм государственной жизни в «новорожденной» России «по образу и подобию передвижения *силлогизмов* в неврастенической голове, отравившейся *кантианством* и *ученым марксизмом*», независимо от того, обосновывается ли последний «при помощи Авенариуса или Гегеля». Несмотря на использование марксистского новояза, спиритуалист Белый выворачивает марксизм наизнанку, говоря, например, что «категории теоретико-познавательной мысли суть формы капиталистического *производства сознания*: капиталист есть рассудок». Белый противопоставляет «мертворожденные потуги *социал-мозгологии*» и ее изоцирено *силлогистическое мышление* — «радости восстания *созидающей мысли*». Заметим, что в качестве противовеса мертвым абстракциям Белый предлагает не саму жизнь и ее практику, но опять-таки «мысль», хотя бы и «созидающую», т.е., по сути, хочет заменить мертвый идеализм живым. Он даже изображает революционные столкновения в форме войны идей-силлогизмов, движущих обеими противоборствующими «толпами», уравненными в своей смертности. По Белому, силлогизмы, как прежде мысли, рождавшиеся в голове сенатора Аблеухова, воплотились в «вооруженные толпы, марширующие на улицах». И Белый приводит хрестоматийный силлогизм, инкорпорируя в его логические посылки и заключение экзистенциальные детали происходящего:

- 1) бóльшая посылка: *Человек смертен* (толпа наступала по Невскому),
- 2) мёньшая посылка: *Я — человек* (отвечая так, наступала толпа на нее),
- 3) заключение: *Следовательно: я — смертен* (и в громе выстрелов падали трупы)

[Белый 1918–1, с. 121].

Займствованный пример характерен. С одной стороны, всякий гимназист со школьной скамьи зазубривал этот пример на уроках школьной логики²¹. С другой, разновидность этого силлогизма получила экзистенциальное звучание в «Смерти Ивана Ильича» (1886) Л.Н. Толстого [Толстой 1936, с. 92–93].

Пафос «Весенних мыслей» — в утверждении реальности и действенности мысли. Сама революционная ситуация, чреватая взрывами, возникла из-за омертвления мыслей, отливавшихся в косные социальные и духовные формы: «Мысль — опаснейший динамит, когда мысль эта ложная». Мировая война и революция — это не только социальный взрыв, но взрыв в сознании²². В «Революции и сознании современности» Белый пишет о взрывной силе мысли так:

Пребывали в стремлении мы: разорваться — во что бы ни стало; и — взорвать: что бы ни было; только — *побольше взорвать*: площадь, местность, страну, землю, мир. Са-ми мы превращаемся... в бомбу; и *бомба бомб* — *голова*; в ней раздувшийся до мирового *«всего»* и вдруг лопнувший идиотический мозг — нами принятый смысл: «здравый смысл» <...> Разорвалось человечество миллионами неслиянных частей: эгоистиче-ских «я»; «я» отдельных частей «человечества» изживало себя в совершенно безумном стремленье — взорвать: что бы ни было; только — *побольше взорвать*: площадь, мест-ность, страну, землю, мир; мировая война есть венец материального взгляда на мир <...> Но бомба бомб — голова человека — уже на себя повернулась: *взорвать* оболочку свою — здравый смысл и «рассудочную культуру», приведшую нас... к катастрофе; мы теперь ясно видим: рассудочный смысл, в нас раздувшись до мирового всего, разлетел-ся на части [Белый 1918–1, с. 133].

То, что сознание представляет собой бомбу, является и рефреном эпопеи «Я» (1919), в которой Генеральный Штаб астральных сил, представляющих собой тайную злокозненную международную ретроградную организацию, пытается предотвратить рождение в литераторе Леониде Ледяном (альтер-эго А. Белого) нового духовного *младенца*, грядущего Спасителя и Мессию. Это имеющее родиться духовное «Я» сравнивается автором с бомбой. На-против, «живая, правдивая мысль» уподобляется Белым расцветающему бутону махрово-пылающей розы, что отсылает к мистике христианства и розенкрейцества.

Если Карл Маркс считал, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс 1949, с. 7], то подход А. Белого противоположен: именно мысль создает бытие и реальность. Прежним, мертвым мыслям соответствовали прежние государ-

ственные структуры; современная, живая мысль должна отлиться в нечто новое: «Мысль — жизненна. <...> Загадано этим: *создать бытие нашей мыс-ли*» [Белый 1918–1, с. 126–127].

Соответственно, и революцию Белый толкует как познавательный акт:

Полнота бытия разлитой, ураганной стихии — естественное течение огромного акта познания, совершаемого народом. <...> Пусть все вещи, с которых сознательно сняты все цепи обычной причинности, смешавшиеся с мыслями, безосновно встающими, обра-зуют вокруг ураганы кипящего хаоса. <...> Россия творит в настоящем собственный познавательный акт; и естественно в этом акте: свержение всех предпосылок револю-ционной и эволюционной догматики в начале познания русским народом себя. Ничто не должно быть дано, как система, узвание, форма. И все данности, привнесенные со стороны, должны быть: построены сызнова. Происходящая переоценка и хаос, пугаю-щий многих, по-моему есть гарантия, что познавательный акт, именуемый русской ре-волюцией, в своем первом моменте — не догматический, но — критический акт <...> Революция русская есть начало огромной системы познания [Белый 1918–1, с. 127].

Государственное строительство Белый тоже представляет спиритуали-стически, понимая его как *осуществление мысли и воплощение мифа*:

В настоящее время открылось: <...> наша мысль есть живой, всепредметный, вне-форменный и текучий процесс образования *организмов сознания*, которые — воплоти-мые *мифы*; осуществление мысли в строительстве общественных форм не подчиняется механизму рассудочной деятельности <...>, уплотняющей мертвую форму абстракций *железным футляром* (известною инквизиционной пыткой) [Белый 1918–1, с. 121].

Как представляется, говоря о мифотворчестве, А. Белый следует Вяч. Ива-нову, который сформулировал свою позицию еще в 1907 г.:

Дионис варварского возрождения вернул нам — миф <...> Художник вдруг вспом-нил, что был некогда «мифотворцем» (μυθολοίς), — и робко понес свою <...> душу навстречу душе народной. <...> Те, кто организуют партии и их победы, еще не при-званы тем самым организовать народную душу и ее внутреннюю творческую жизнь. Пусть остерегутся они насиловать поэтическую девственность народных верований и преданий, вещую слепоту мифологического мирозерцания, <...> и — в борьбе с церковью государственной — бороться против веры вообще. <...> Встретится наш художник и наш народ. <...> В действе <...> народной мистерии воскреснет истин-ное мифотворчество (ибо истинное мифотворчество — соборно). <...> Исполнитель творческих заказов общины [станет], — рукою и устами знающей свою красоту толпы, вещим медиумом народа-художника [Иванов 1979–1, с. 75–77].

В свою очередь, соответствующие идеи Иванова были инспирированы рассуждениями Эдуарда Шюрэ:

Нет ничего более прекрасного, чем то, когда поэт и народ встречаются и понимают друг друга в мифе. В этом случае гений одного исполняет то, что видел в грезах другой (*ce que l'autre avait rêvé*). У обоих одна жажда, но то, что наивный народ едва наметил, сознательный и страстный художник (*l'artiste*) исполняет [Schuré 1875, p. 67].

Социально-политические представления Белого близки к «мистическому анархизму». Он ратует за «динамическую истину, динамическую власть, динамически-творческую и свободно-любовную коммуну», считая, что не «общественность <...> завершаема в государственность; наоборот: государственность в лучшем случае — удобрение общественной нивы». Вектор общественной эволюции, который Белый считает оптимальным, направлен от государства к самоорганизующейся *коммуне* как сообществу свободных монад, составляющих живой лик человечества:

от центрального строя к федеративному строю; предел распада, неделимая клетка единого тела — *коммуна*. По отношению к государству она выглядит атомом; по отношению к грядущему организму, свободно восставшему из свободного соединения *монад* в *лик живой* человечества, — *коммуна* есть клетка живой органической ткани, живого и творческого процесса: создания из людей Человечества [Белый 1918–1, с. 122].

Рассуждение на языке «монад» у А. Белого — дань лексике Вяч. Иванова²³. Но тут же, в отношении продолжения действий на фронтах, Белый вступает с Ивановым в полемику. Рассуждая о «коммуне», он пишет:

Ей имя София. Да, к этой Софии стремится грядущее, а не к каменному футляру ее, находящемуся в Константинополе. И не к *проливам* мы правим наш путь: мы бросаем *проливы*, плывём от *проливов* к свободному морю... любви... [Белый 1918–1, с. 122]

Белый выступает здесь как противник «завоевания Царьграда и проливов». В последней трети XIX в. русские теоретики обсуждали вопрос о том, чтобы Константинополь стал столицей всеславянского единства (Н.Я. Данилевский), центром греко-славянской духовной культуры (К. Леонтьев) и, наконец, русской столицей православного мира (Ф.М. Достоевский).

В 1914 г., после начала Первой мировой войны вопрос этот перешел в практическую плоскость, и идея завоевания Константинополя с прилегающими к нему проливами, получив одобрение царя, обсуждалась в военных и дипломатических кругах [см.: Россия 1915; Константинополь 1926]. Для А. Белого могло быть значимым, что как раз в это время (март-май 1917 г.) за овладение Константинополем и проливами выступил П.Н. Милюков, бывший министром иностранных дел в первом составе Временного правительства²⁴.

Однако, как представляется, приведенные выше строки Белого метят не столько в перечисленных выше, сколько в того же Вяч. Иванова. По сути,

они представляют собой искусную двойную отсылку к Иванову. Во-первых, отворачивание корабля от надежных, но скучных берегов и маяка в открытое море любви — это мотив одного из ранних стихотворений Иванова, сюжет которого Белый тогда же переработал в квази-теоретическое построение [Петров 2016–1, с. 319]. А во-вторых, это аллюзия на позицию Иванова по Царьграду, которую тот высказал в январе 1917 г.:

Ныне мы видим: Царьград — наша свобода, и свобода всего славянства. Борьба за него есть борьба вместе за нашу внешнюю независимость и за внутреннее высвобождение наших подспудных сил. Без этой свободы, внешней и внутренней, невозможно наше конечное самоопределение. Поэтому страшен величием падающей на нас ответственности тот день, когда Царьград будет наш [Иванов 1987–1, с. 469].

В те дни, когда печатаются эти страницы, притязания России на Константинополь почитаются вычеркнутыми из книги судеб не только силою вещей, но и сознательной волей революционного народа. <...> Царьград станет русским по совокупности исторических условий. Он уготован Руси в дар и не должен быть ее добычей. <...> Вот почему не слепую, а зрячую кажется мне моя вера, что Достоевский в свое время окажется прав, — что Константинополь, «рано или поздно», всё же будет наш (1917, октябрь) [Там же, с. 756–757].

Таким образом, Белый проводит здесь двойную оппозицию. Он противопоставляет исторический собор св. Софии в Константинополе, который требуется отвоевать у турок, Софии Премудрости Божией, отождествляемой с Христом. И подкрепляет свои слова напоминанием Иванову о его собственном давнишнем стихотворении «В челне по морю» (1903), в котором тот предпочел осязаемым берегам (читай: «проливам») — безбрежность любви.

Чтобы лучше понять взгляды Вяч. Иванова, приведем цитату из его статьи 1916 г.:

И странное жутко и светло пророчат другие, необычайные, почти непонятные слова Тютчева, реальный смысл которых теперь лишь приоткрывается современными событиями, являющими тайную связь в судьбах России между искуплением вины ее перед Польшей и осуществлением старинной уверенности, что — как выражал ее Достоевский — «Царьград рано или поздно должен быть наш»²⁵:

Тогда лишь в полном торжестве,
В славянской мировой громаде,
Строй вождельный водворится, —
Как с Русью Польша помирится.
А помирятся ж эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...²⁶ [Иванов 1917, с. 66]

Как видно, здесь Иванов выступает традиционалистом — последователем государственных взглядов Ф.И. Тютчева и религиозно-эсхатологических чаяний Ф.М. Достоевского, а также сторонником примирения с Польшей в духе панславянства. Однако Белый, который был пацифистом (но не пораженцем)²⁷, выставляет взгляды Иванова как подчеркнуто милитаристские и человеконенавистнические:

В год войны пишет он, что вселенское дело творим мы; причастие наше к кровавой войне, вырывающей миллионы безвинно загубленных жизней, вызывает в нем гордость <...> «Причащением» названо им пролитие братоубийственной крови <...> Для примирения в Царьграде нужны ему миллионы загубленных жизней; ужасно славянство, если его «вселенская миссия» преодолеть свои поместные споры не где-нибудь, а в... Царьграде («пусть для этого гибнут десятки и сотни тысяч людей»). <...> Дело славянства по Вячеславу Иванову есть «кровавое дело» [Белый 1922–2, с. 23–24]²⁸.

Тем не менее, несмотря на все расхождения, между Ивановым и Белым существовало глубокое внутреннее сродство. Доказательством тому может служить то, как легко пятью годами позже Белый воспроизведет идеи, высказанные в «Весенних мыслях» и «Революции и сознании современности», используя лексику и концепции Вяч. Иванова:

Вячеслав Иванов <...> учит нас: «бог» — рождение дионисовых сил в человеке: он — «миф» человека-вакханта, переживающего все **застывшие истины**, догматы, вещи в расплавленном состоянии экстаза, когда они — становления <...> «Хор» рождается в зрителях; зрители — это народ, высылающий представителей в «Советы», творящие народную жизнь; эти «Советы» — оркестры, разбросанные здесь и там; драма, собственно, для Вячеслава Иванова есть народная литургия: высшее напряжение творчества жизни народа; рождение «Диониса-младенца» — рождение формы жизни народа; **законодательство** — **оплотнение творческих мифов** до кристаллических остановившихся форм; государственность — отложение церкви народной <...> Современность, бунтуя против **мертвой окостенелости форм** <...> (эстетических, религиозных, общественных, государственных, нравственных) — обращается к темным корням в нас клокочущего индивидуализма, соединенного с творческим клокотанием народных стихий <...>; здесь встречаются нас «прорези» творческих молний грядущей грозы, собирающейся над человечеством темною, но **весеннею** тучею; Достоевский предчует грозу; и Толстой возникает, как кризис сознания; <...> остановившийся и дряхлеющий мир не приемлют титаны эпохи <...> [Белый 1922–2, с. 14–15].

Для Белого «вопрос о проливах» — это порождение старых мыслительных форм:

Старые формы правления у нас в голове должны быть нами свергнуты; эти формы — таинственно скрытые пулеметы приверженцев старого строя; стреляли в про-

странство сознаний <...> идеями о войне... для проливов. <...> В тишине кабинетов ученые головы продолжали стрелять лживо-созданной мыслью; и пули ее многим стоили жизни... на фронте; не удивительно: в кабинетные стены влетела шрапнель [Белый 1918–1, с. 124].

Как мы помним, «шрапнель», влетевшая в стены кабинета, — это отсылка к личным жизненным обстоятельствам А. Белого октября-ноября 1917 г. В целом взаимопроникновение теоретического, образного и житейского — отличительная черта мировосприятия А. Белого. Более того, характерной особенностью его душевного склада было переживание реальности в фантазмагорическом и визионерском плане, когда сознательный писательский вымысел невозможно отличить от переживаний экстатического характера и видений. События, происходившие вокруг него, Белый переживал не только физически, но живо проигрывал в воображении (где главным действующим лицом был он сам) или в прозе (тоже насквозь автобиографичной). В этой связи примечателен эпизод из шестой главы романа «Петербург»²⁹, которая создавалась в период поездки А. Белого в Гельсингфорс на лекции Р. Штейнера³⁰. Действие эпизода разворачивается в 1905 г. в одной из кофеен Гельсингфорса, где бомбист Александр Иванович Дудкин рассуждает о грядущих потрясениях в терминах конца культуры. Пафос речи Дудкина состоял в том, что дряхлую культуру нужно сокрушить, а сатанизм — это здоровое варварство:

Помнится, в тот период пришлось ему развивать парадоксальнейшую теорию о необходимости *разрушить культуру*, потому что *период историей изжитого гуманизма закончен* и культурная история теперь стоит перед нами, как выветренный рухляк: *наступает период здорового зверства*, пробивающийся из темного народного низа (хулиганство, буйство апашей), из аристократических верхов (бунт искусств против установленных форм, любовь к примитивной культуре, экзотика) и из самой буржуазии (восточные дамские моды, кэк-уок — негрский танец; и — далее); Александр Иванович в эту пору проповедовал сожжение библиотек, университетов, музеев; проповедовал он и призванье монголов (впоследствии он испугался монголов). Все явления современности разделялись им на две категории: на признаки уже изжитой культуры и на здоровое варварство, принужденное пока таиться под маскою утонченности (явление Ницше и Ибсена) и под этою маскою заражать сердца хабсом, уже тайно взывающим в душах. Александр Иванович приглашал поносить маски и открыто быть с хабсом. Помнится, это же он проповедовал и тогда, в гельсингфорской кофейне; и когда его кто-то спросил, как отнесся бы он к сатанизму, он ответил: — «Христианство изжито: в сатанизме есть грубое поклонение фетишу, то есть здоровое варварство...» [Белый 1914, с. 80–81]

Амбивалентность отношения самого автора к подобным манифестам подчеркивается тем, что в романе речь Дудкина вызвала из астрального

мира «паспортиста потустороннего мира» по имени Шишнарфнэ³¹, после появления которого некие силы помчали Дудкина по междупланетным пространствам туда, где он (неясно, во сне или наяву) совершил некий «гнусный акт», подписав внутри самого себя договор с темными силами. «Самое неприятное было то, что Александр Иваныч не помнил, совершил ли он акт, или нет», но с тех пор в потустороннем астральном мире у него появился «теневого паспорт» и «прописка», о чем ему и сообщает Шишнарфнэ:

- «Впрочем, вы у нас там прописаны <...> Этот паспорт — в вас вписан; вы уж сами в себе распишитесь, каким-нибудь экстравагантным поступком <...> Этот род расписок признается у нас наилучшим...» <...>
 - «Когда же я у вас там прописан», — прометнулось в мозгу его <...>
 - «А тогда: после акта» <...>
- Тут <...> всё он вспомнил отчетливо... Этот сон в Гельсингфорсе, когда они мчали его чрез какие-то... всё же... пространства <...> Ну, так вот: когда они мчали его чрез иные пространства... Это он совершил [Белый 1914, с. 90].

Характерно, что в датированной полугодом спустя автобиографической записи Белый прилагает схожую ситуацию уже к себе самому, описывая данное ему в видении принесение присяги на верность Штейнеру и розенкрейцерству. В конце декабря 1913 г. «во сне или не во сне» Белому явился Доктор, повлекший его куда-то, а когда Белый пришел в себя, то осознал, что участвует в некоей мессе или обряде и дает клятву или утвердительный ответ на вопрос, существа которого не помнит, ибо «проспал». Над Белым совершили посвятельный обряд, после чего он:

Проснулся: вернее, очнулся; и спросил себя: «Что это было? Был ли это сон?» Мне стало ясно: нет, не сон, а подлинное посвящение. С той поры мне стало казаться: совершилось мое посвящение в какое-то светлое рыцарство, никем не установленное на физическом плане; и вместе с тем: Сколько раз потом меня тревожило: «Твое высшее “Я” дало высшему “Я” доктора клятвенный обет: послужить какому-то делу; и перенести вытекающие из этого дела страшные, нечеловеческие страдания, а ты — проспал твою клятву; и не знаешь, чему ты поклялся...» [Белый 2016, с. 145]³²

Как бы то ни было, в «Весенних мыслях» Белый, не колеблясь, заявляет:

Революцию нашу призвали мы сами: пришла! И революцию в будущем мы, боясь ее и ропща на нее, подзываем: придет! [Белый 1918–1, с. 125]

Согласно Белому, уже совершавшиеся революции — ничто по отношению к революции грядущей, которая будет революцией Духа: только та уничтожит все косные формы, включая «основную, содержащую их форму — *голову теоретика*», подменяющего новообразования жизни «абстрактной плат-

формой» [Белый 1918–1, с. 123]³³. Белый возвещает грядущее перерождение в духе, когда дух-разум победит рассудок:

Кровь из сердца нам бросилась в анемичный, рассудочный мозг <...> Будет день: Солнце Духа, взойдя в сердце нашем, протянется из очей наших светом и отразится на зеркале небосвода: восходом огромного Солнца [Белый 1918–1, с. 133]³⁴.

По иронии судьбы именно «революция Духа», которую ждал А. Белый и которая для него была неразрывно связана с антропософской доктриной, оказалась той точкой, в которую ударила коммунистическая власть³⁵. 1 октября 1922 г. в газете «Правда» относительно сочинений и особенно антропософских воззрений А. Белого высказался Л.Д. Троцкий (чуть позже соответствующая статья вошла в его книгу «Литература и революция»). Анализ цитат показывает, что Троцкий бегло ознакомился с 1-м сборником «Записок мечтателей» (1919), по сути — детищем А. Белого. Внимание вождя привлекли три отрывка: единственный «бытовой» (а потому удобочитаемый) пассаж из предисловия к эпопее «Я», в котором Белый пожаловался на тяготы жизни писателя, и еще две фразы из середины первой части эпопеи. Но по-настоящему заинтересовала Троцкого формула, которую он отыскал совсем в другом месте — в 6-м выпуске «Записок мечтателей» (1922), где Белый завершил свои воспоминания об А. Блоке словами: «из Бога родимся, во Христе умираем, в Святом Духе возрождаемся». Троцкий не только процитировал ее, но и хлестко обыграл в конце соответствующего рассуждения:

Белый, как только дело доходит до его антропософии, становится кратким, беглым, предпочитая фигуру умолчания. Одно только и сообщает: «Не я, а Христос во мне Я»³⁶, и еще: «в боге родимся, во Христе умираем, в святом духе возрождаемся»³⁷ <...> В высокомернейшем предисловии к своей неопеивной «Эпопее» Андрей Белый обличает нашу советскую эпоху, «ужасную для литератора, чувствующего свое призвание к огромным, монументальным полотнам»³⁸ <...> В той же эпопее Белый заявляет: «Устои обычной действительности для меня — ерунда»³⁹. И это перед лицом народа, который истекает кровью, чтобы передвинуть «устои обычной действительности». Ну, конечно, ни больше ни меньше: ерунда... Ведь он не он, а Христос в нем. Ведь в святом духе воскреснет... Антропософское благочестие освобождает не только от художественного вкуса, но и от общественной стыдливости. Белый — покойник, и ни в каком духе он не воскреснет [Троцкий 1991, с. 52–54].

Троцкому нельзя отказать в чутье. Приведенная фраза представляет собой формулу розенкрейцеров и антропософов, чрезвычайно важную для Белого как в биографическом, так и в духовном плане. Впервые текстуально фиксируемая в *Fama Fraternalitatis Rosae Crucis* (1614), она была сообщена А.Р. Минцловой в письме А. Белому в 1909 г., а позднее он слышал ее в эзоте-

рической группе последователей Рудольфа Штейнера, куда был допущен [см. Глухова 1998, Глухова 2007]⁴⁰.

Последствия критики Троцкого оказались катастрофическими. В октябре 1923 г. Белый писал: «Знаю, что в Москве после статьи обо мне Троцкого мне заповедано участие в журналах и литературно-общественная деятельность» [Белый 2016, с. 480]⁴¹. В 1928 г. он так вспоминает свое возвращение из Берлина в Москву, где уже были закрыты *Вольфила* и *Антропософское общество*:

Я вернулся в свою «могилу» в 1923 году, в октябре: в «могилу», в которую меня уложил Троцкий, за ним последователи Троцкого, за ними все критики и все «истинно живые» писатели <...> Самое появление мое в общественных местах напоминало скандал, ибо «трупы» не появляются, но гниют. Я был «живой труп»; «В. ф. а.» — закрыта; «А. о.» — закрыто; журналы — закрыты для меня; издательства закрыты для меня; был момент, когда мелькнула странная картина меня, стоящего на Арбате... с протянутой рукою: «Подайте бывшему писателю». Так — не случилось [Белый 1994, с. 483].

Но всё это будет в будущем, пусть уже совсем близком. В мае 1918 г. не-исправимый «мечтатель» Андрей Белый заканчивает «Весенние мысли» на оптимистической ноте:

Ружейные трески шалют шесть уж месяцев (с ноября до апреля); но отчего-то легко, беззаботно, певуче в неосвещенной вечерней Москве <...> А как было душно в июле [1917 г.], когда не трещали винтовки, но раздавались витиеватые речи о том, что война и есть мир, а <...> свобода проливов есть цель революции! Теперь... — трески выстрелов <...> Какие весенние дни! Ведь давно таких не было. Ласточки прилетят уже скоро: их — жду [Белый 1918–1, с. 125].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После 1922 г. — Плотников переулоч.

² В «Песне Солнценосца» А. Белого отразилось его восторженное принятие происходящих событий: «Прекрасен Народ, приподнявший огромную правду о Солнце над миром — в час грома <...> Воскреснем: “Воистину”» [Белый 1918–2, с. 10]. В момент написания письма, однако, ощущения А. Белого были явно не радужными. Сохранился комментарий Иванова-Разумника к этому письму: «Октябрьскую революцию 1917 года АБ “принял” лишь в январе 1918 года».

³ Приведенные стихотворения публиковались во 2-м сборнике «Скифы» (1918), одним из редакторов которого был сам А. Белый.

⁴ «Что революция переживается религиозно, об этом свидетельствует творчество наших лучших поэтов: “революционные поэмы” Сергея Есенина и “Песнь Солнценосца”, принадлежащая Клюеву, полны революционно-религиозным экстазом, в котором мне видится подлинный религиозный порыв <...> И Есенин, и Клюев, и многие им подобные, — суть “народ” в более прямом подлинном смысле, чем марксисты-богоискатели, проклявшие революцию и кощунственно обгадившие душу кровавым призывом к войне» [Белый 1922–2, с. 21].

⁵ «Петербург, Петербург! Осаждайся туманом, и меня ты преследовал праздною мозговой игрой <...> За Невой, в потусветной, зеленой там дали — повосстали призраки островов и

домов, обольщая тщетной надеждою, что тот край есть действительность и что он — не воющая бескрайность, которая выгоняет на петербургскую улицу бледный дым облаков» [Белый 1913–1, с. 71; первая фраза также: Белый 1913–2, с. 170].

⁶ Ср.: «покрой твоё тело короста шелудивая, буйный ветер сдует с тебя и коросту шелудивую» [Ремизов 1918–3, с. 195]. Ремизов начинает свое «Слово» с аллюзии на «Петербург» А. Белого: «Безумный ездок, хочешь за море прыгнуть из желтых туманов гранитного любимого города, несокрушимого и крепкого, как Петров камень, — над Невою, как вихрь, стоишь, вижу тебя и во сне и в явь»; ср.: «С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический Всадник, <...> как бросил коня на финляндский серый гранит — надвое разделилась Россия <...> Хочешь ли и ты отделиться от тебя держащего камня, как отделились от почвы иные из твоих безумных сынов <...> Или, может быть, хочешь ты броситься, разрывая туманы, чрез воздух, чтобы вместе с твоими сынами пропасть в облаках?» [Белый 1913–1, с. 140–141]

⁷ «Рвутся фикции стен и домов <...> Ценности государственной жизни обернулись туманами, застилавшими путь; коросты оледенелых партийных абстракций разбиты пульсацией разогретого народного сердца» [Белый 1918–1, с. 119–120].

⁸ Ср.: «Коммуна мечтателей создаваема при условии отделенности личностей, выветвляющих индивидуально растущую крону <...> Обособление личностей для слияния их в индивидууме песни лесной, сочетание тайны единства и множественности — вырастает отсюда; и вырастает отсюда возможность понять, как углами поставить загаданный *треугольник* из слов по отношению к четырем сторонам горизонта» [Там же, с. 7–8].

⁹ Возможно в какой-то своей части заглавие «Весенние мысли» отсылает к заглавию балета «Весна священная» И. Стравинского, который тот сочинил в швейцарском Монтрё, в 170 км от Дорнаха. Премьера «Весны священной» состоялась 29 мая 1913 г. в театре Елисейских Полей в Париже. Автором декораций, костюмов, либретто был Николай Рерих, хореографом — Вацлав Нижинский, импресарио — Сергей Дягилев.

¹⁰ «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода = ἀμῖν ἀμῖν λέγω ὑμῖν, ἐὰν μὴ ὁ κόκκος τοῦ οἴτου πεσὼν εἰς τὴν γῆν ἀποθάνῃ, αὐτὸς μόνος μένει· ἐὰν δὲ ἀποθάνῃ, πολὺν καρπὸν φέρει» (Ин 12:24).

¹¹ Ср.: «Мы боролись, и впредь до конца будем бороться за свою правду <...> И если мы погибнем <...>, то погибнем не напрасно; мы “вытекшей душою удобрим чернозем”, и взойдут на ней *весенние семена*, которые разбрасывает теперь по всему миру русский *вихрь*» [Там же, с. 227]. См. в ст-нии С. Есенина «Пришествие [А. Белому]» (октябрь 1917): «чтобы вытекшей душою удобрить чернозем» [Есенин 1997, с. 51].

¹² «Цвет культуры — *зеленый*, и цвет революции — *огненный*. <...> Цвет культуры, *зеленый*, и цвет революции, *красный*» [Белый 1917–1, с. 4, 6].

¹³ Об античных теориях обогенения мира см.: [Петров 2005, с. 734–745].

¹⁴ *Иванов-Разумник*. Испытание в грозе и буре (впервые: Наш путь. 1918. № 1, апр. С. 131–158): «Два испытания <...> пали тяжким бременем на <...> устои старого мира <...> И первое испытание — испытание огнем мировой войны — сразу испепелило ростки братства “международного” <...> Огонь <...> укрепляет своды лишь до того мига, пока не перейдет он в пламя испепеляющее, пока из огня-раба не станет он огнем *творческим* <...> “Есть суд всего, что / дышит, живет и растет — / суд огнем” <...> Так слышим мы в “Предании от Гераклита Эфесского” (А. Ремизов) <...> Второе испытание — испытание в грозе и буре революции — сразу расшатало крепкие своды; мировой *вихрь* вновь понес на старое пожарище *весенние семена* “международного братства”» [Иванов-Разумник 2004, с. 259–260].

¹⁵ См. характерное замечание Иванова относительно французской революции, причинами которой у народа считается отрыв от *омертвевшей* церковной иерархии, а у элит — отход от *омертвевшей* иерархии масонской: «Чтобы сделать последний шаг, след которого мы называем французской революцией, Прометеевы Дети должны были совершить новую частичную

узурпацию отчего огня, и революция была вызвана отколом не только народа от Церкви, но и внешних причастников мистического тайноведения от иерархических центров священного предания. Я разумею революционную роль экзотерического масонства. Церковная и мистическая иерархия ответили бесплодными попытками насильственного подавления мятежных сил, и Суворов по манию гроссмейстера мальтийского ордена переходил через Альпы, преследуя гидру безбожия и безначалия. Но правды никогда нет там, где нет жизни, и реакция была мертворожденной» [Иванов 1987–2, с. 261–262].

¹⁶ По предположению публикатора, подтверждаемому содержанием фрагмента, текст представляет собой введение к лекции Вяч. Иванова «Всенародное искусство», прочитанной в мае 1918 г. в Доме свободного искусства. Ту же позицию Иванов подтвердит 8 августа 1919 г., выступая в Бюро художественных коммун (Мертвый пер., 1): «В трагические годы революции культура в значительной степени падает и для творчества создается какая-то среда, которую в известном смысле можно назвать средой стерилизованной» [Лавров 2002, с. 521].

¹⁷ Ср. там же: «Под гул землетрясений должны мы услышать в сердце великую тишину».

¹⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра [Ницше 1900]: «Вот новая тишина, которой я научился» (с. 181); «О блаженная тишина вокруг меня!» (с. 200); «Заратустра не слышал, что они замолчали. Он лежал тихо, с закрытыми глазами, подобно спящему, хотя он не спал: ибо он беседовал со своей душой. Но змея и орел, видя его таким молчаливым почтили великую тишину вокруг него и осторожно удалились» (с. 245); «Тише! Тише! Не был ли мир сейчас совершенным?» (с. 301); «Не пой! Тише! Мир совершен. Не пой, о душа моя! Не шепчи даже! Смотри же — тише!» (с. 302); «Самое малое именно, тишайшее, легчайшее, шелест ящерицы, дуновение, мгновение — Малое составляет род лучшего счастья. Тише! — Что случилось со мной: Чу! Не улетело ли время? Не падаю ли я? Не упал ли я — чу! в колодезь вечности?» (с. 303); «Моя мудрость давно уже собирается, подобно туче, она становится тише и темнее. Так делает всякая мудрость, которая некогда должна родить молнии» (с. 317); «Тише! Тише! тогда слышится многое, что не смеет быть услышано днем» (с. 346).

¹⁹ Для неразберихи декабря 1917 г., когда этот фрагмент Белого был дважды напечатан, характерно присутствие в печатной версии адресованного самому себе вопроса «где?». Скорее всего, Белый сделал эту пометку в рукописи, чтобы уточнить, где у Ницше находится указанная фраза, но по недосмотру она перекочевала в публикации.

²⁰ Ср.: «Иванов-Разумник, как и Белый, как и Блок <...> были не материалистами, а рожденными ненавистниками материализма» [Штейнберг 1991, с. 33].

²¹ Об истории этого силлогизма от немецких учебников логики XVIII века до их русских аналогов XIX века см.: [Петров 2014, с. 355–356, 360–362].

²² Назревание и предчувствие этого взрыва фиксировалось Белым уже в «Петербурге», составив лейтмотив романа. При этом отношение автора к происходящему оставалось амбивалентным: понятно, что взрыв назрел и неизбежен, но сам этот факт ужасен. «Петербург», помимо прочего, роман о бомбистском терроре, в результате которого физически погибли сотни, если не тысячи, людей всех сословий.

²³ См. раздел «Лейбниц и монадология»: [Петров 2016–2, с. 46–52]. Ср. также: «Я затрудняюсь даже сказать, пантеист ли Иванов или плюралист, идет ли он за Спинозой или Лейбницем. Преклонение перед индивидуальной волей, перед “я”, перед духовной монадой, органически срослось у него с тягостным сознанием одиночества, на которое осуждена эта воля, пока она отрезана от вселенной и замкнута в границах индивидуальности» (Галич Л.Е., 1906) [Иванов 2015, с. 94]; «Вся его философия не что иное, как умствование эрудита над тем, как бы отделаться от умствований <...>, из абсолютной монады — превратиться в клеточку, в каплю великого океана стихии» (Философов Д., 1907) [Там же, с. 124].

²⁴ Ср.: «22 марта [1917 г.], в беседе с журналистами по поводу вступления Соед. Штатов в войну, Милюков разъяснил смысл “победного конца” — тогда было сказано о жизненном значении для России приобретения Константинополя и проливов, причем министр отметил, что этими претензиями русские “ничуть” не посягают на национальные права Турции, и что

никто не в праве бросить России упрек в “захватных тенденциях” — обладание Царьградом всегда считалось национальной задачей России» [Мельгунов 2016, с. 377].

²⁵ «О, конечно, вы можете смеяться над всеми предыдущими “мечтаниями” о предназначении русском, но вот скажите однако же: не все ли русские желают воскресения славян именно на этих основаниях, именно для их полной личной свободы и воскрешения их духа, а вовсе не для того, чтобы приобрести их России политически и усилить ими политическую мощь России, в чем, однако, подозревает нас Европа? Ведь это же так, не правда ли? А, стало быть, и оправдывается уже тем самым хотя часть предыдущих “мечтаний”? Само собою и для этой же цели, Константинополь — рано ли, поздно ли, должен быть наш... <...> Да, Золотой Рог и Константинополь — все это будет наше, но не для захвата и не для насилия, отвечу я. И, во-первых, это случится само собою, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то действительно время близко, все к тому признаки. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы. Если не случилось этого раньше, то именно потому, что не созрело еще время» [Достоевский 1981, с. 47–48].

²⁶ Тютчев Ф.И. Тогда лишь в полном торжестве... (1850) [Тютчев 2003, с. 17].

²⁷ «всё мое существо [было наполнено] звонким звоном переживаний о мире и братстве народов: я был пацифистом» [Белый 1919–2, с. 19]; «Я хотел добиться одного: чтобы о войне или вовсе не говорилось, или говорилось в духе подлинного пацифизма; мой пацифизм был налицо — <...> Меня удивляло, что этого Ася не понимает: мое поведение — просто элементарное поддержание чувства собственного достоинства, не позволяющего, чтобы тебе наступали на ноги; Ася упрекала меня в шовинизме, не уважала во мне русского и, как мне казалось, унижалась до согласия с немецкими бреднями; в эти дни я сильно страдал от сознания, что Ася душевно и духовно предала Россию прусскому милитаризму; это было не так, конечно; но выходило, что — так, раз она откровенно желала России поражения. <...> М.Я. Сиверс нас пригласила на чай; и за чаем высказывалась за Германию; во мне это свидание оставило горький след; я увидел, что и она заразилась прусским милитаризмом (доктор держался по отношению к всем нациям с безукоризненной корректностью, но я подозревал, что и он в глубине души задет общим угаром). Мне положение в Дорнахе становилось нестерпимо-мучительным: я тосковал по России, ненавидел не самих немцев, а отвратительный налет шовинизма на них; я страдал, что меня так не понимают, считают шовинистом; страдал за Асю и от Аси» (август 1914 г.) [Белый 2016, с. 185].

²⁸ Сам Белый, будучи пацифистом и интернационалистом, будучи призван на войну в 1916 г., не раздумывая покинул швейцарский Дорнах и выехал в Россию.

²⁹ Впервые глава опубликована в 1914 году, а написана весной 1913 г., ср.: «[Март 1913 г.]: Весь месяц усиленно работаю над шестой главой “Петербург”; пишу ее заново. <...> [Апрель]: Я заканчиваю 6-ю главу “Петербург”» [Белый 2016, с. 134]; «[Июль 1913 г.]: Отправляю 6-ю и 7-ую главы “Сирину”» [Там же, с. 137].

³⁰ В Гельсингфорсе Белый был один раз в жизни — в мае 1913 г. на лекциях Р. Штейнера. Ездил он вместе с Асей Тургеневои и большой группой русских, среди которых — Н.А. Бердяев, В.В. Бородаевский, Е.И. Васильева (Черубина де Габриак), К.Н. Васильева, супруги Поццо, А.С. Петровский, М.И. Сизов, Б.П. Григоров и др. Штейнер читал «Окультурные основы Бхагават-Питы» (10 лекций), Белый получил от него практические наставления для медитаций и вместе с Асей был принят в «Esoterische Stunde».

³¹ Ср.: «Не помните ли, как ужаснейший обитатель астрального мира гоняется за сумасшедшим, принявши обличье перса?» [Белый 1919–2, с. 18]

³² Ср. письмо от 1–3 марта 1927 г.: «Сон не сон: скорее выход из себя в какой-то чертог, где встретил доктор, которому мое высшее “я” дало как бы на что-то обет (низшее “я” недорасслышало); и непосредственно после обряда прощания, на лекции доктора мне в руки свалился эпилептик, которого вынес я и которого приводил в сознание, причем было ясно: “эпилептик” — это тот “я”, который от принятого решения моим высшим “Я” всю последующую жизнь будет нести величайшие страдания» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 500].

³³ Ср.: «Материалистический взгляд революцию собственно превращает в эволюционную марксову схему; квинтэссенция революций — социальная революция — есть последний этап длинного эволюционного периода, завершающегося “обобществлением орудий производства”; но революция — собственно — пресловутый скачек в нераскрытое царство свободы — начинается после. <...> Материализм и рассудочность — связаны; материалистический взгляд на историю есть взгляд рассудочной, ограниченной мысли; <...> Революция — воплощение духовного импульса в жизнь» [Белый 1922–2, с. 18].

³⁴ Ср.: «Отражение в небосводе происходящего в сердце» [Белый 1917–1, с. 30]; «Что, если мы, глядящиеся в зеркало и видящие ответный взгляд, сами — живое зеркало, и наше зрящее око — только ответ и отражение живого ока, вперенного в нас? Бросая от себя луч вовне, не приняли ли мы его раньше извне, отразив в своем микрокосме вселенскую тайну? И не в том ли эта тайна, что “в зеркальной Вечности Надир / Глядит в Зенит зеницею Зенита”» [Иванов 1979–2, с. 125].

³⁵ Ср. письмо от 1–3 марта 1927 г.: «1919 год — тяжелый: 1) самый трудный год, 2) явное разочарование в близости “революции Духа”» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 506].

³⁶ [Белый 1919–2, с. 39].

³⁷ [Белый 1922–1, с. 122].

³⁸ [Белый 1919–2, с. 12].

³⁹ [Белый 1919–2, с. 42].

⁴⁰ Ср.: “[Kristiania (Oslo), 18. Juni 1910]. Sie konnten nun von sich sagen: *Ex Deo nascimur* <...> *Per Spiritum Sanctum reviviscimus* <...> Nun aber wird sie von dem Christus durchdrungen und erlebt das, was Paulus nannte: «*Nun aber nicht ich lebe, sondern Christus in mir*» <...> Diese Meditation ist ein langsames Ersterben des niederen Ich. Und mit diesem Hineinsterben und Wiederaufleben im Christus haben wir die Verbindung zwischen den zwei Wegen: *In Christo morimur*. Es ist ein bewußtes Aufleben im Christus-Geist” [Steiner 1996, s. 60–61].

⁴¹ Ср.: «К статьям резко отрицательным обо мне принадлежит статья Троцкого в его сборнике “Революция и культура”; статья играла решающую роль в отношении ко мне в теперешней прессе: я — “меньшевик”, “белый” (с маленькой буквы), занимаюсь исканием психологических гнид под куполом “храма” и изучением хвоста у киевской ведьмы в отличие от “ведьмы” вообще. Так как мое мировоззрение никому не известно, — неизвестно, что я “естественник”, 25 лет занимавшийся теорией знания (неизвестно, потому что мои книги в свое время замолчали, а профессора словесности разводили “турусы на колесах” о символизме), — то я со времени опубликования резолюции Троцкого обо мне и сел, так сказать, в тень; *сичу и молчу*» [Белый 2016, с. 785–786].

ЛИТЕРАТУРА

- Белый 1913–1 — *Белый А.* Петербург. Гл. 1, 2 // Сирин. Сб. 1. СПб., 1913. С. 1–148.
 Белый 1913–2 — *Белый А.* Петербург. Гл. III, IV, V // Сирин. Сб. 2. СПб., 1913. С. 1–209.
 Белый 1914 — *Белый А.* Петербург. Гл. VI, VII, VIII // Сирин. Сб. 3. СПб., 1914. С. 1–276.
 Белый 1917–1 — *Белый А.* Революция и культура. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. 30 с.
 Белый 1917–2 — *Белый А.* Рождение в ясли [= первые пять главок «Песни Солнценосца»] // Знамя труда. 1917. № 105, 28 дек. С. 3.
 Белый 1918–1 — *Белый А.* На перевале. I. Весенние мысли; II. Революция и сознание современности // Наш Путь. 1918. № 2. С. 119–133.
 Белый 1918–2 — *Белый А.* Песнь Солнценосца // Скифы. Сб. 2 / Под ред. А. Белого, Р.В. Иванова-Разумника, С.Д. Мстиславского. М., 1918. С. 6–10.
 Белый 1919–1 — *Белый А.* Записки мечтателей // Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 5–8.
 Белый 1919–2 — *Белый А.* «Я»: Эпопея. Ч. 1 // Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 10–71.

Белый 1922–1 — *Белый А.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 5–122.

Белый 1922–2 — *Белый А.* Сирин ученого варварства. (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). Берлин: Скифы, 1922. 24 с.

Белый 1994 — *Белый А.* Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития (1928) // Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 418–493.

Белый 2016 — Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Белый — Иванов-Разумник 1998 — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. 736 с.

Глухова 1998 — *Глухова Е.В.* Источник одной цитаты у Андрея Белого // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тезисы второй Международной конференции. Тверь, 1998. С. 46–48.

Глухова 2007 — *Глухова Е.В.* Письма А.Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4. Ч. 2 М.: РГГУ, 2007. С. 215–240.

Достоевский 1981 — *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 23: Дневник писателя за 1876 год. Май — октябрь. Л.: Наука, 1981. 423 с.

Есенин 1997 — *Есенин С.* Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Стихотворения (Маленькие поэмы) / Подгот. текстов и коммент. С.И. Субботина. М.: Наука; Голос, 1997. 464 с.

Иванов 1917 — *Иванов Вяч.* Польский мессианизм, как живая сила // Иванов Вяч. Родное и вселенское: Статьи (1914–1916). М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. С. 59–67.

Иванов 1979–1 — *Иванов Вяч.* О веселом ремесле и умном веселии (1907) // Иванов Вяч. Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 61–77.

Иванов 1979–2 — *Иванов Вяч.* Спорады (1909) // Иванов Вяч. Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Т. 3. Брюссель, 1979.

Иванов 1987–1 — *Иванов Вяч.* Лик и Личины России: К исследованию идеологии Достоевского // Иванов Вяч. Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 445–481, 755–757.

Иванов 1987–2 — *Иванов Вяч.* О Новалиссе (после 1913 г.) // Иванов Вяч. Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 261–277.

Иванов 2015 — Вяч. Иванов: Pro et contra. Антология. Т. 1 / Сост. К.Г. Исупова, А.Б. Шишкина; коммент. Е.В. Глуховой, К.Г. Исупова, С.Д. Титаренко, А.Б. Шишкина и др. СПб.: РХГА, 2015. 996 с.

Иванов-Разумник 1918 — *Иванов-Разумник Р.В.* Две России // Скифы. Сб. 2 / Под ред. А. Белого, Р.В. Иванова-Разумника, С.Д. Мстиславского. М., 1918. С. 201–231.

Иванов-Разумник 1922 — *Иванов-Разумник Р.В.* Моховое болото и клопные шкурки (1913) // Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции: Статьи 1912–1913 гг. Пб.: Эпоха, 1922. С. 98–122.

Иванов-Разумник 2004 — *Иванов-Разумник Р.В.* Испытание в грозе и буре // Александр Блок: Pro et contra. СПб.: РХГА, 2004. С. 259–287.

Константинополь 1926 — Константинополь и проливы по секретным документам б. министерства иностранных дел. Т. 2 / Под ред. Е.А. Адамова. М.: Изд. литиздата НКВД, 1926.

Лавров 2002 — *Лавров А.В.* Вячеслав Иванов в неосуществленном журнале «Интернационал искусства» // Лица: Биограф. альм. 9. СПб.: Феникс, 2002. С. 516–530.

Маркс 1949 — *Маркс К.* К критике политической экономии. [Л.]: Госполитиздат, 1949. 272 с.

Мельгунов 2016 — *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. М.: Вече, 2016. 576 с.

Ницше 1900 — *Ницше Ф.* Собрание сочинений. Т. 1: Так говорил Заратустра. Символическая поэма / Пер. Д. Борзаковского; Под ред. А. Введенского. М.: Изд. М.В. Клюкина, [1900]. 360 с.

Обатнин 1994 — *Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 29–51.

Петров 2005 — *Петров В.В.* Тело и телесность в эсхатологии Иоанна Скотта // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / Общ. ред. П.П. Гайдено и В.В. Петров. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 633–756.

Петров 2014 — *Петров В.В.* Бытие и логика в философской прозе Сигизмунда Кржижановского // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 2. М.: Аквилон, 2014. С. 340–372.

Петров 2016–1 — *Петров В.В.* Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 287–331.

Петров 2016–2 — *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в «Сне Мелампа» Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // *Euro Orientalis*. 2016. № 35. С. 23–54.

Ремизов 1917 — *Ремизов А.* Огневица // Дело народа. 1917. № 241, 24 дек. С. 3.

Ремизов 1918–1 — *Ремизов А.* Золотое подорожие. Электрумные пластинки // Новый путь. 1918. № 89, 4 мая. С. 4.

Ремизов 1918–2 — *Ремизов А.* О судьбе огненной: Предание от Гераклита Ефесского. [Пг.: Сегодня, 1918]. [8] с.

Ремизов 1918–3 — *Ремизов А.* Слово о гибели Русской Земли // Скифы. Сб. 2 / Под ред. А. Белого, Р.В. Иванова-Разумника, С.Д. Мстиславского. М., 1918. С. 194–200.

Россия 1915 — Россия, Царьград и проливы: Материалы и извлечения / Под ред. и с предисл. Р. Стрельцова. [Пг.]: Прометей, [1915]. [2], IV, X, 134 с.

Скороходов 2015 — *Скороходов М.В.* Маленькая поэма С.А. Есенина «Певущий зов» в историко-культурном контексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 7 (49). Ч. 1. С. 167–169.

Толстой 1936 — *Толстой Л.Н.* Смерть Ивана Ильича // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 26. М.: Худ. лит., 1936. С. 61–113.

Троцкий 1991 — *Троцкий Л.* Литература и революция / Вступ. ст. Ю. Борева. М.: Политиздат, 1991. 399 с.

Тютчев 2003 — *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. Т. 2: Стихотворения, 1850–1873. М.: Классика, 2003. 640 с.

Штейнберг 1991 — *Штейнберг А.* Дружья моих ранних лет (1911–1928) / Подгот. текста, послесл. и примеч. Ж. Нива. Париж: Синтаксис, 1991. 288 с.

Schuré 1875 — *Schuré É.* Le drame musical. Т. 2: Richard Wagner, son oeuvre et son idée. Paris: Sandoz et Fischbacher, 1875. 429 p.

Steiner 1996 — *Steiner R.* Aus den Inhalten der esoterischen Stunden. Gedächtnisaufzeichnungen von Teilnehmern. Bd. II: 1910–1912. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1996. 520 s.

А.М. Грачева

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА 1918–1921 ГГ. И ТЕО НАРКОМПРОСА*

Статья посвящена анализу практической работы Алексея Ремизова в деле создания нового театра. Проанализированы многочисленные рецензии Ремизова на пьесы. В дальнейшем они составили основу его книги «Крашенные рыла» (Берлин, 1922). Рассмотрены теоретические взгляды Ремизова на задачи современного театра и его драматические эксперименты 1919–1921 гг.

The article analyzes Alexei Remizov's practical work in the creation of a new theater. Numerous Remizov's reviews on plays are analyzed. Later they formed the basis of his book «Painted Snout» (Berlin, 1922). Remizov's theoretical views on the tasks of modern theater and its dramatic experiments of 1919–1921 are considered.

Ключевые слова: революция, Алексей Ремизов, русский авангард, театр.

Keywords: revolution, Alexei Remizov, Russian avant-garde, theater.

Различные виды театральной деятельности изначально были одной из важных составляющих творческого пути А.М. Ремизова. В 1903–1904 гг. по приглашению В.Э. Мейерхольда писатель был заведующим репертуарной частью организованного режиссером «Товарищества Новой Драмы». Он не только формировал новаторский репертуар театра, переводя пьесы европейских драматургов-модернистов, но фактически был равноправным соратником Мейерхольда в деле создания нового театра, автором ряда концептуально-значимых статей-манифестов. Так, в статье 1904 г. «Товарищество Новой Драмы. Письмо из Херсона» Ремизов писал: «“Новая драма” ставит своей задачей создание такого театра, который в рядах движений, взбурливших области философии и искусства, шел бы с ними, охваченный проступающей жаждой, в поисках новых форм для выражения вечных тайн и смысла нашего бытия и смысла земли, вынырнувшей человека на крестные страдания, беды и небесный восторг» [Ремизов 1904, с. 36].

После этапа аккомодации и пропаганды в театральной среде драматургии европейских мастеров «новой драмы», со второй половины 1900-х гг. Ремизов стал реализовывать свои теоретические представления о задачах современного театра в собственных драматургических опытах. Он видел его как театр

* Работа проводилась при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 — нач. 1920-х)».